

УДК 94(575.4) 083

ВОПРОС О ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

И.Б. Бочкарева

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
e-mail: portnygina@yandex.ru*

Центральным вопросом революций 1917 г. являлся вопрос о власти: на каких принципах она будет организована, какие пути решения сложившихся в России проблем будут выбраны. Однако в Туркестане, как и в других национальных регионах бывшей Российской империи, вопрос о власти был сопряжен с решением национального вопроса, чрезвычайно актуализировавшегося после Февральской революции. Туркестанская национальная элита выдвинула проект превращения Туркестана в автономию и передачи власти в крае представителям коренного населения. В то же время представители российских партий в регионе, включая большевиков, по-прежнему воспроизводили колониальный подход к организации власти. Отказ местных большевиков после провозглашения советской власти в Ташкенте привлечь к управлению краем представителей мусульманского населения стал одной из причин формирования мощного антисоветского движения среди коренного населения региона. Характер решения национального вопроса в регионе в период революций 1917 гг. и Гражданской войны во многом определил процесс последующего национального строительства и политическую карту Центральной Азии.

Ключевые слова: национальный вопрос, автономия, Туркестан, Шууро Исламия, Улема Джамяти, советская власть.

THE QUESTION OF POWER IN TURKESTAN BEFORE AND AFTER THE OCTOBER REVOLUTION

I.B. Bochkareva

*Altay state university, Barnaul, Russia,
e-mail: portnygina@yandex.ru*

The Central question of the revolutions of 1917 was the question of power: on what principles it will be organized, what ways to solve the problems that have developed in Russia will be chosen. However, in Turkestan, as in other national regions of the former Russian Empire, the question of power was associated with the solution of the national question, which became extremely topical after the Feb-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180)

ruary revolution. The Turkestan national elite put forward a project to transform Turkestan into autonomy and transfer power in the province to representatives of the indigenous population. At the same time, representatives of Russian parties in the region, including the Bolsheviks, continued to reproduce the colonial approach to the organization of power. The refusal of the local Bolsheviks after the proclamation of Soviet power in Tashkent to involve representatives of the Muslim population in the management of the region was one of the reasons for the formation of a powerful anti-Soviet movement among the indigenous population of the region. The nature of the national question solution in the region during the revolutions of 1917 and the civil war largely determined the process of subsequent nation-building and the political map of Central Asia.

Key words: national question, autonomy, Turkestan, Shuroi Islamiya, Ulama Jamiyati, the Soviet power.

DOI 10.14258/ssi(2019)3-6437

Введение

В Туркестане революционные события 1917 г. и последующая Гражданская война, с одной стороны, находились в прямой зависимости от логики общероссийского революционного процесса, с другой стороны, их анализ невозможен без учета национального фактора. Именно туркестанские националисты с их проектом национального самоопределения Туркестана составили реальную альтернативу советской власти и существенно повлияли на характер последующего гражданского противостояния в регионе и политику советской власти, поэтому в статье мы подробнее остановимся на анализе содержания их деятельности. В этой связи отметим, что мы солидаризуемся с мнением российского исследователя С. Абашина, обратившего внимание на то, что на момент Февральской революции готового национального проекта у местной туркестанской элиты еще не было (Абашин, 2007). В организационном отношении национальное движение находилось на начальной стадии развития — просветительской. Февральская революция стала стимулом для ускорения его идейного и организационного оформления, так что к моменту Октябрьской революции у туркестанских националистов была программа национальных требований, включая политический статус региона. Вместе с тем ряд авторов отмечает, что значительное влияние на решение вопроса о власти и связанного с ним национального вопроса в Туркестане оказал колониальный статус региона в составе Российской империи (Буттино, 2007; Халид, 2010). Хотя после Февральской революции было провозглашено правовое равенство всех народов России, русское население края, в руках которого находилось управление регионом, воспринимало требования туркестанских националистов о допуске к власти коренного населения как угрозу своему положению.

Расклад политических сил в Туркестане после Февральской революции

Институционально в Туркестане после Февральской революции сложились три центра политического влияния: Туркестанский комитет Временного правитель-

ства (официальная краевая власть)¹, Советы рабочих и солдатских депутатов и мусульманские общественные организации. В период между Февралем и Октябрем отношения между Туркестанским комитетом и Советами подчинялись общей логике революционного процесса в столице и европейской части России. Реальная власть все больше концентрировалась в руках Советов, прежде всего Ташкентского Совета, опиравшегося на рядовой состав армейских частей Ташкентского гарнизона. Следует отметить, что Советы комплектовались из русского населения края и в своей деятельности мало отражали интересы коренного населения. В сентябре Ташсовет выдвинул лозунг «вся власть советам» и предпринял попытку захвата власти. Комитет Временного правительства, наоборот, терял свой авторитет, а с ним и властные ресурсы. Местные национальные организации в сложившемся политическом раскладе выполняли совещательную и посредническую функции.

Провозглашенные Временным правительством принципы равенства в правах независимо от национальной принадлежности, всеобщие выборы в Учредительное собрание активировали процесс организационного и идейного оформления туркестанского национального движения. В марте 1917 г. в Ташкенте создается национальная политическая организация по типу Советов — Шурои Исламия (Совет мусульманских депутатов), объединившая все политически активные силы Туркестана. Первоначально на руководящие позиции в национальном движении вышли местные джаиды (Убайдулла Ходжаев, М. Абдурашидов, Махмуд-ходжа Бехбуди) и немногочисленная для Туркестана светская, русифицированная группа политиков, преимущественно этнических казахов — М. Тынышпаев, Мустафа Чокаев (член партии кадетов, член второго состава Туркестанского комитета Временного правительства. Именно с ним персонифицируется провозглашение и деятельность правительства Туркестанской автономии).

Джаиды полагали, что коренное мусульманское население еще не готово к самостоятельному управлению своей территорией в силу отсутствия опыта, поэтому оно не должно занимать большинство мест в органах управления. Однако под влиянием процессов в общероссийском мусульманском движении Шурои Исламия солидаризируется с позицией I съезда мусульман России, принявшего резолюцию о преобразовании России в федеративную республику с предоставлением мусульманским народам права автономии (Лысенко, 2016: 187). С этого времени начинается обсуждение более детального проекта национальной автономии Туркестана. Но его разработка тормозилась расхождением подходов прогрессивного и традиционалистского течений национального движения к процессу модернизации края. Если прогрессивное крыло видело дальнейшее развитие региона в русле либерально-демократической парадигмы модернизации с учетом местной культурной специфики, то для улемов главной задачей было «охранять границы своего сообщества от разрушения в условиях нового универсалистского порядка» (Халид, 2010: 81). В июне

¹ Первый состав Комитета под председательством Н.Н. Щепкина включал девять членов, но только один из них, М. Тынышпаев, являлся представителем туркестанской «туземной» политической элиты. В партийном отношении Туркестанский комитет комплектовался из представителей кадетов и правых социалистических партий.

1917 г. консервативное крыло вышло из состава Шурои Исламия, создав собственную организацию Улема Джамияти. Показательно, что лидером Улема Джамияти стал не представитель местных ортодоксальных богословов, а бывший чиновник российской администрации в Туркестане, ученый-востоковед Шерали Лапин.

К октябрю 1917 г. в преддверии выборов в Учредительное собрание Улема и Шурои согласовали свои позиции по вопросу автономии Туркестана. Центральным пунктом национального проекта было то, что в органах законодательной и исполнительной власти большинство мест должны занимать представители коренного населения края, являющегося национальным большинством. Земельный вопрос, образование, городское и земское самоуправления, суды должны перейти в ведение автономного правительства (Чокаев, 2001: 12). Понимая, что им необходимо заручиться поддержкой своих национальных требований со стороны «европейского» меньшинства края, автономисты неизменно подчеркивали положение о резервировании трети мест во властных органах за представителями местной европейской общины.

Стремление туркестанских автономистов изменить колониальный режим управления краем воспринималось местной европейской общиной как вызов ее положению. В период между революциями представители всех российских политических партий в Туркестане отметились высказываниями о преждевременности предоставления автономии коренному населению края. Так, I Туркестанский съезд советов в своей резолюции поддержал отказ Туркестанского комитета Временного правительства о предоставлении краю автономии (Агзамходжаев, 2007: 112). Как справедливо отметил итальянский исследователь М. Буттино, «демократия, как, впрочем, и сама революция, воспринималась главным образом как способ регулирования внутренней жизни русского сообщества. Готовность умеренных к диалогу с мусульманами подразумевала расширение демократии вплоть до включения мусульманских представителей, но отнюдь не признание права мусульманского большинства на самоуправление» (Буттино, 2007: 206). В результате вопрос о власти в Туркестане создавал ситуацию противостояния русского и коренного населения.

Туркестанские националисты и советская власть

Провозглашение советской власти в Ташкенте принципиально не изменило ситуацию доступа к власти для мусульманской политической элиты. Новую систему институтов краевой власти должен был утвердить III Съезд Советов Туркестанского края, который начал свою работу 15 ноября 1917 г. Большинство делегатов съезда составляли представители умеренных социалистических партий: меньшевики и правые эсеры. Они выступали за создание коалиционного правительства демократических сил, включая мусульманские политические организации. Однако их позиция по вопросу масштабов участия коренного населения во власти осталась прежней: мусульмане должны были составлять меньшинство, достаточное для соблюдения принципа демократичности. Председатель Улема Шерали Лапин, присутствуя на съезде в качестве наблюдателя, в своем выступлении в очередной раз озвучил сложившийся среди национальной интеллигенции Туркестана и Степного края консенсус, что мусульманам должно быть предоставлено в органах краевой

власти три четверти мест. «Основываясь на принципе самоопределения ... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, — сказал Шер Али Лапин, — но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти...» (Германов, 2008).

Фракция большевиков и максималистов предложила по примеру центральных органов советской власти преобразовать Краевой совет рабочих и солдатских депутатов в Совет народных комиссаров Туркестанского края как высший исполнительный орган. Коренному населению края в такой системе организации власти отводилась консультативная, совещательная функция — и то на местном уровне. Позиция местных большевиков по отношению к автономистским требованиям национальной интеллигенции нашла отражение в следующей резолюции: «...включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций...» (РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1561. Л. 11). Интересно, что резолюция большевиков, не имевших большинства на съезде, была принята 97 голосами из 114. В ситуации выбора между сотрудничеством с мусульманскими организациями и поддержкой левых социалистов умеренное социалистическое большинство съезда сделало выбор в пользу последних. В итоге был создан Совнарком Туркестанского края, куда вошли семь большевиков и восемь левых эсеров, под председательством большевика Ф. Колесова. Советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу, как диктатура трудящихся, но это была диктатура русских трудящихся. Вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда.

Почему туркестанские коммунисты не допускали возможности участия мусульман в органах управления, хотя программа РСДРП(б) признавала право наций на самоопределение вплоть до отделения? Отчасти объяснение лежит в плоскости теоретических построений большевиков по национальному вопросу, которые предусматривали, что выразителем права нации на самоопределение должен быть пролетариат (Сталин, 1913). В Туркестане туземный пролетариат был малочисленным и в политическом отношении поддерживал местные национальные организации, поэтому он не мог выполнить задачи захвата власти в регионе и после самоопределения вернуть местные мусульманские народы к союзу с российским пролетариатом. По этой причине Ленин и Сталин, идеологи национального вопроса в РСДРП(б), изначально не собирались распространять право самоопределения на мусульманские тюркоязычные народы России. Однако политика большевиков определялась не только теоретическими установками, но и практикой революционного процесса. Как представляется, действия ташкентских большевиков во многом были обусловлены колониальным характером туркестанского общества, в котором присутствовала напряженность между коренным тюркоязычным большинством и русским меньшинством. Поляризацию туркестанского общества по национальному признаку усиливала тяжелая продовольственная ситуация, сложившаяся в регионе к лету 1917 г. Уже тогда с санкции Краевого Совета начались реквизиции продовольствия,

которые затронули в основном не русских крестьян, а местных дехкан. Таким образом, местные «русские» большевики, решая вопрос о власти в Туркестане, воспроизвели сложившиеся в русской общине страхи и стереотипы поведения по отношению к коренному населению.

По мнению лидеров Шурои и Улема принципы институционального оформления советской власти означали продолжение колониального правления в Туркестане, и в первый год после Октябрьской революции политика советской власти по отношению к мусульманскому населению во многом являлась таковой (Сафаров, 1985; Лысенко, 2016: 247–249). Решение местных большевиков перенести выборы в Учредительное собрание с ноября на декабрь делало перспективу участия в нем туркестанских автономистов все более иллюзорной. Поскольку у туркестанского национального движения уже был проект национальной автономии, пользующийся популярностью и поддержкой со стороны городского коренного населения, лидеры Шурои решили реализовать его, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Центром оппозиции советской власти стал г. Коканд, куда во время октябрьского переворота уехал один из наиболее влиятельных руководителей Шурои, Мустафа Чокаев.

Менее чем через две недели после съезда Советов, 27 ноября 1917 г., в Коканде собрался IV съезд мусульман, на котором большинство составляли делегаты от Шурои и ее союзников, от Улема присутствовал только Ш. Лапин. Итогом работы съезда стало провозглашение Туркестана автономией в составе федеративной демократической российской республики. Установить форму автономии Туркестана должно было Учредительное Собрание, которое планировалось созвать в кратчайшие сроки (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 17). На следующий день съезд избрал Временный народный совет автономного Туркестана в составе 32 человек, по количеству мест, выделенных Туркестану в Учредительном собрании. Из состава народного совета было сформировано временное правительство под председательством М. Тынышпаева в количестве 12 членов, четверо из которых должны были представлять европейскую общину. В регионе сложилось формальное двоевластие. В качестве первостепенных задач Кокандское правительство определило созыв туркестанского Учредительного Собрания и принятие мер к обеспечению населения продовольствием.

Следует отметить, что после провозглашения Туркестанской автономии и Шурои, и Улема, тем не менее, пытались выстроить диалог с советской властью. Шурои в этом отношении сделала ставку на центральную советскую власть и обратилась в Совнарком РСФСР с предложением признать правительство Туркестанской автономии на основании права наций на самоопределение. Улема Джамиати попыталась наладить отношения с Ташкентским СНК. Еще на этапе провозглашения туркестанской автономии Улема начала дистанцироваться от кокандского правительства. Известно, что Шерали Лапин отказался занимать какие-либо посты в структурах Туркестанской автономии. В условиях новой политической конъюнктуры вновь дали о себе знать противоречия в отношениях двух течений в мусульманском общественном движении. Возможно, улемисты рассчитывали путем компромисса с большеви-

ками обеспечить свое доминирование в вопросах религиозной политики и регулирования жизни коренного населения.

5 января 1918 г. через свою газету «Аль-Ислах» Улема категорически отказалась принять правление антиисламского светского режима в Коканде (Khalid, 1996: 294). Немного позже было опубликовано подготовленное Лапиным обращение «От ташкентской организации Улема русским социалистам», в котором улемисты заявили о готовности совместно работать с большевиками. Ради этого Лапин даже пошел на обоснование близости мировоззренческих позиций социализма и ислама. «Основными элементами обоих течений, — отметил он — является отстаивание интересов трудового человечества; оба они одинаковые враги империализма, одинаково не признают идеи национализма, интернациональны и объявляют беспощадную войну против гнета капитала» (Цит по: Мухамедшин, 2011: 18). Вместе с тем позиция Улема по вопросу о статусе Туркестане не изменилась. Предполагалось провозгласить Туркестанскую мусульманскую федерацию в составе Российской республики с правами широкой автономии, включая внешнеполитические полномочия (РГАСПИ Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632. Л. 78).

Однако эти попытки были проигнорированы советским руководством. Для центрального советского правительства важен был тот факт, что власть в Ташкенте находится у большевиков, и главная задача заключалась в том, чтобы ее удержать, а не делиться ею, тем более что кокандское правительство определялось как буржуазно-националистическое по классовым интересам. Кроме того, ташкентский СНК оказался более инициативным в процессе создания институциональной основы советской власти на территории края, нежели туркестанские автономисты. С подачи Ташкента уже в ноябре почти во всех городах Ферганской долины, включая Коканд, были созданы опиравшиеся на русских солдат революционные комитеты, которые провозглашали себя местной властью. В противостоянии с Совнаркомом Туркестана Кокандское правительство, не располагая реальными ресурсами влияния: армия, финансы, массовая поддержка со стороны населения, — не смогло перехватить политическую инициативу в свои руки (В начале 1918 г. СНК Туркестана смог провести реквизицию из банков денежных средств правительства Туркестанской автономии и лиц, его поддерживавших. Эти действия вызвали кризис в кокандском правительстве, которое было обвинено пострадавшими деловыми кругами в бездействии. В итоге в правительстве произошли кадровые перестановки, пост главы правительства занял Мустафа Чокаев). В таких условиях возможности для мирного, компромиссного решения вопроса о власти были исчерпаны. Ташкентский СНК по рекомендации центрального советского правительства взял курс на ликвидацию правительства Кокандской автономии военным путем. За это решение проголосовало большинство делегатов IV краевого съезда Советов Туркестана (19–26 января 1918 г.)

Повод к военной ликвидации национального правительства в Коканде дали сами автономисты, попытавшись в ночь с 29 на 30 января захватить крепость Коканда и другие стратегические объекты города. Попытка не удалась, а Совет рабочих и солдатских депутатов Коканда отправил телеграммы в Ташкент и другие города

Ферганской области с просьбой о помощи. Первым в Коканд прибыл военный отряд под командованием К. Осипова из Скобелева, через три дня стали прибывать части Красной армии из Ташкента. В контексте характера межнациональных отношений в крае показательным, что выступление автономистов в Коканде было воспринято русскими городскими Советами как выступление мусульман против русских. В свою очередь, сопротивление, оказанное в Коканде сторонниками правительства автономии, приняло статус газавата, священной войны против неверных.

Заключение

Ликвидация военным путем правительства Туркестанской автономии не утвердила автоматически советскую власть в регионе. Наоборот, она привела к разгору гражданского конфликта, когда сопротивление советской власти переходит от модернизированной, реформаторски настроенной интеллигенции к представителям традиционных групп местного общества в лице командиров басмаческих отрядов и приобретает военный характер. Именно басмаческое движение, а не русское «белое» сопротивление представляло основную угрозу советской власти в Туркестане на протяжении всей Гражданской войны.

Другим следствием провозглашения туркестанской автономии как альтернативы советской власти стало изменение политики большевиков в национальном вопросе. Провозглашение в ноябре — декабре 1917 г. в ряде мусульманских регионов России (Туркестан, Башкирия, Казахстан) национальных автономий свидетельствовало о популярности и высоком мобилизационном потенциале идеи национального самоопределения для коренного населения. Непризнание большевиками правительств национальных автономий и пресечение их деятельности могло толкнуть и толкало национальные политические элиты и население в лагерь «белого» движения. Ленин, как основной разработчик национальной политики большевиков, быстро осознал вызовы советской власти, исходящие от таких перспектив развития национального вопроса. Уже в начале 1918 г. провозглашение национальных автономий, правда, советских по содержанию, начинает рассматриваться большевиками как важнейшее условие привлечения на сторону советской власти широких слоев мусульманского населения. Советское правительство решило взять на себя инициативу в провозглашении национальных автономий, лишив, таким образом, национальную несоветскую элиту монополии на разработку национальных проектов. И Туркестан стал одним из первых регионов, где она была провозглашена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб.: Алетейя, 2007.

Агзамходжаев С. История туркестанской автономии. Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006.

Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи

и образованием СССР. М: Звенья, 2007.

Германов В. Политика формирования в Туркестанском крае лояльной России национальной элиты. 2008. URL: <https://ia-centr.ru/experts/2598/> (дата обращения 20.07.2019).

Лысенко Ю.А. (Ред.) Этнополитические и этносоциальные процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. и первые годы советской власти. Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2016.

Мухаметшин Ф. (Ред.) Россия — Средняя Азия. Т. 2: Политика и ислам в XX — начале XXI вв. М: ЛЕНАНД, 2011.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 71. Оп. 34. Д. 1561.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 1632.

Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Reprint. Oxford: The Society for Central Asia Studies, 1985.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm (дата обращения 22.07.2019).

Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 17 годе. Токио ; Москва, 2001.

Халид А. Ислам после коммунизма. Религия и политика в Центральной Азии. М: Новое литературное обозрение, 2010.

Khalid A. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan. *Slavic Review*, 1996, 55(2), 270–296.

REFERENCES

Abashin, S. (2007). *Nacionalizmy v Srednej Azii* [Nationalisms in Central Asia]. Saint-Petersburg: Aletejya.

Agzamhodzhaev, S. (2006). *Istoriya turkestanской avtonomii* [History of Turkestan autonomy]. Tashkent: Toshkent islom university.

Buttino, M. (2007). *Revolyuciya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdru padeniem carskoj imperii i obrazovaniem SSSR* [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the tsarist Empire and the formation of the USSR.]. Moscow: Zvenjya.

Germanov, V. (2008). *Politika formorovaniya v Turkestanском krae loyal'noj Rossii nacional'noj jelity* [Loyal to Russia in Turkestan region national elite formation policy]. Available at: <https://ia-centr.ru/experts/2598/> (Accessed 20.07.2019).

Lysenko, Yu.A. (Ed.) (2016). *Jetnopoliticheskie i jetnosocial'nye processy v central'noaziatskih okrainah Rossii v period revolucij 1917 goda i pervye gody sovetskoj vlasti* [Ethno-political and ethno-social processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917 and the first years of Soviet power. Documents and extracts]. Barnaul: AZBUKA.

Muhametshin, F. (Ed.) (2011). *Rossijya — Central'najya Aziya*. Tom 2. Politika i islam v XX — nachale XXI vv. [Russia — Central Asia. Vol. 2: Politics and Islam in the XX —

early XXI centuries]. Moscow: LENAND.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI) [Russian state archive of social and political history]. Fond 71. Opis' 34. Delo 1561.

RGASPI [Russian state archive of social and political history]. Fond 71. Opis' 34. Delo 1632.

Safarov, G. (1985). *Kolonial'naya revolyuciya (opyt Turkestana)* [Colonial revolution (experience of Turkestan)]. Reprint. Oxford: The Society for Central Asia Studies.

Stalin, I.V. (1913). *Marksizm i nacional'nyj vopros* [Marxism and the national question]. Available at: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t2/marxism_nationalism.htm (Accessed 22.07.2019).

Chokaev, M. (2001). *Otryvki iz vospominanij o 17 gode* [Excerpts from the memoirs about the 17th year]. Tokyo ; Moscow.

Halid, A. (2010). *Islam posle kommunizma. Religiya i politika v Central'noj Azii* [Islam after communism. Religion and politics in Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Khalid, A. (1996). Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan. *Slavic Review*, 55(2), 270–296.